

JEL classification: N94, B14, B16, B31
УДК 332.01
DOI 10.17150/2308-2488.2020.21(3).459-487

В.В. Сухих
Институт экономики УрО РАН
г. Екатеринбург, Российская Федерация

ВКЛАД В.С. НЕМЧИНОВА В ЭКОНОМИКО- СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕГИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ПОЛИТИКУ НА УРАЛЕ: 1919–1926 ГГ.

Аннотация. Уральский период жизни выдающегося экономиста академика АН СССР Василия Сергеевича Немчинова не вызывает особого интереса у исследователей. Но именно опыт работы на Урале позволил В.С. Немчинову сделать успешную карьеру в Москве, при этом уральские впечатления и материалы заложили фундамент взглядов будущего академика на экономику СССР, методы ее изучения и пути реформирования. Как руководитель статистических учреждений в Челябинске и Екатеринбурге Немчинов внес большой вклад в обсуждение и практическую реализацию экономического районирования, к его заслугам следует отнести обоснование снижения продналога, разработку и расчет единого экономического показателя народного хозяйства Урала. Он также предложил методику выделения классовых группировок в деревне, которая после обсуждений и доработок была использована при проведении сельскохозяйственных переписей и коллективизации.

Ключевые слова. В.С. Немчинов, Урал, Уралэко-со, экономическое районирование, единый экономический показатель, экономическая статистика, Центральное статистическое управление.

Информация о статье. Дата поступления 11 июня 2020 г.; дата принятия к печати 1 сентября 2020 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2020 г.

V.V. Sukhikh

Ural branch of the Russian Academy of Sciences

Institute of Economics

Yekaterinburg, the Russian Federation

CONTRIBUTION OF V.S. NEMCHINOV TO ECONOMIC AND STATISTICAL RESEARCH AND REGIONAL ECONOMIC POLICY IN URALS: 1919–1926

Abstract. The time when Academician of the USSR Academy of Sciences Vasily Sergeevich Nemchinov lived in the Ural is not of a big interest among researchers. But it was work experience in the Urals that allowed V.S. Nemchinov to make a successful career in Moscow, while the Ural impressions and materials laid the foundation for the future academician's views on the economy of the USSR, research methods and ways of reforming. As the head of statistical agencies in Chelyabinsk and Yekaterinburg, Nemchinov made a great contribution to the discussion and practical implementation of economic zoning, among his achievements is the rationale of tax reduction, development and calculation of a single economic indicator of the national economy of the Urals. He also proposed a method for classifying the village which, after discussion and refinement, was used in agricultural censuses and collectivization.

Keywords. V.C. Nemchinov, Urals, Uralekoso, Economy Survey, Single Economic Indicator, Economic Statistics, Price Statistics Office.

Article info. Received June 11, 2020; accepted September 1, 2020; available online September 30, 2020.

В августе 1919 г. была образована Челябинская губерния. В ноябре того же года в Челябинске было создано Губернское статистическое бюро (Губстатбюро), его первым заведующим стал В.С. Немчинов (1894–1964 гг.).

Немчинов учился в Челябинском реальном училище, в 1913 г. поступил на экономическое отделение

Московского коммерческого института (ныне РЭУ им. Г.В. Плеханова). Работал статистиком в годы Первой мировой войны в органах Всероссийского Земского союза и Земгора, в 1917 г. вернулся в Челябинск, где вскоре стал заведовать оценочно-статистическим отделением Челябинского уездного земства, затем — статистическим бюро Челябинского земельного отдела.

Челябинск был подходящим местом для статистика, увлеченного изучением сельского хозяйства. Плодородные почвы, степи, удобные для скотоводства, Транссиб, открывающий пути в Сибирь и европейские губернии, сделали Челябинск одним из крупнейших российских центров торговли пшеницей и скотом, в то же время тяжелая и кустарная промышленность в городе были слабо развиты. В распоряжении Немчинова в изобилии оказывались материалы по сельскому хозяйству и хлебной торговле, предоставлялась и возможность ознакомиться с разными подходами к изучению деревни и ее управлению. В июле-августе 1918 г. комиссаром Челябинского уезда от Временного Сибирского правительства был Петр Павлович Маслов, известный ученый-статистик и аграрник, в будущем — академик АН СССР. Челябинское знакомство двух известных статистиков нигде не упоминается, но не быть знакомыми друг с другом они просто не могли. П.П. Маслов впоследствии долго работал в Институте экономики АН СССР. Свою точку зрения на деревню и развитие ее хозяйства П.П. Маслов не только отстаивал в сибирской прессе того времени, но и пытался применить на практике.

С челябинским земством в один из своих приездов в город в 1919 г. общался адмирал А.В. Колчак, как раз по вопросу обсуждения аграрной программы Сибирского правительства. Немчинов, активно участвуя не только в работе земства, но и в создании в Челябинске Народного университета (он входил в организационную комиссию университета, а после его открытия в

феврале 1919 г. возглавлял один из факультетов и читал лекции по истории культуры), вполне мог быть на встрече с Верховным правителем.

Возвращение советской власти привело к уничтожению земских учреждений и Народного университета, но опыт Немчинова как статистика оказался востребован. Статистика в РСФСР была уже государственным делом, работы по всей стране велись под общим руководством Центрального статистического управления (ЦСУ), и именно ему было подчинено Челябинское Губстатбюро во главе с Немчиновым, ставшим таким образом госслужащим. По должности Немчинов одновременно входил в состав губисполкома, принимая непосредственное участие в обсуждении и решении экономических и социальных проблем губернии.

После Гражданской войны руководителям губернии было крайне важно получить верную оценку потенциала края и имеющихся ресурсов, поэтому у Немчинова работы было много. В 1920 г. в Губстатбюро секция экономической статистики была лишь одной из шести секций¹. Заниматься приходилось всем сразу — от переписи населения до сбора данных об эпидемиологической ситуации в губернии. Немчинов привлекается к обсуждению и утверждению границ губернии, руководит статистическими обследованиями промышленных и торговых предприятий, но самым главным, разумеется, был вопрос сбора сведений о продовольствии. В РСФСР действовал военный коммунизм, была введена продразверстка, центр слал в губернию требования о поставках зерна. Поэтому в 1920 г. Немчинов руководит сельскохозяйственной переписью в губернии, чтобы описать все хозяйства, способные производить зерновые культуры. На основании собранных данных о крестьянских владениях,

¹ Справочник челябинского губернского совета народного хозяйства. Челябинск, 1920. С. 137.

посевах, количестве скота, наличии инвентаря, промыслах осуществлялся расчет хлебных ресурсов и делался вывод о возможности их изъятия [1, с. 23–24].

Немчинов не ограничился лишь предоставлением руководству губернии сведений, собранных в ходе сельхозпереписи. Замена весной 1921 г. продразверстки продналогом не решала проблему с нехваткой продовольствия в губернии. В.С. Немчинов 20 мая 1921 г. делает доклад о продналоге на объединенном заседании всех губернских властей (губисполкома, губернского комитета партии, губернского экономического совещания), по результатам которого решено направить Немчинова и еще двух товарищей в Москву со всеми материалами, чтобы добиться снижения продналога для губернии до половины от продразверстки предыдущего года [2, с. 261].

Снижение продналога должно было быть максимально обосновано научными методами, и с этой задачей В.С. Немчинов прекрасно справился. Его работа под названием «Кризис сельского хозяйства в Челябинской губернии» вышла в конце 1921 г. [3]. Это первая известная статья Немчинова, и она ценна не только тем, что доказывает его профессионализм как статистика и исследователя, но и как свидетельство смелости и принципиальности ученого. В мае 1920 г. его уже арестовывали, и лишь вмешательство губисполкома спасло В.С. Немчинова от заключения [4, с. 13]. Тем не менее, он решился открыто указать, что голод в губернии вызван именно продразверсткой. Подобная точка зрения вполне могла быть сочтена контрреволюционной.

В.С. Немчинов сообщает в своей статье «о катастрофических условиях весеннего сева в связи с отсутствием у населения семян. В 1920 г. в Челябинской губернии разверстка взяла 10.843 тыс. пудов хлеба... При плохом урожае прошлого года разверстка взяла запасы прошлых лет, и к весне уже сказался острый

продовольственный кризис в ряде местностей губернии. Если судить по сократившейся посевной площади, продразверстка забрала у населения не менее 6 331 тыс. пудов семенного материала и из них 345 тыс. пудов, предназначенных для посева на заготовленных парах» [3, с. VII]. Это неизбежно привело к значительному уменьшению посевных площадей в 1921 г. и еще большему голоду. «Переход Челябинской губернии в нынешнем году в разряд голодающих обусловлен не только чрезвычайно плохим урожаем, равным $1/4$ среднего нормального урожая, но и в очень большой мере сокращением на половину посевной площади. Даже и при среднем урожае губерния будет самопотребляющей. Положение отдельных уездов значительно хуже, чем в среднем всей губернии» [там же, с. V]. Немчинов даже осмеливается утверждать, что губерния едва в состоянии прокормить само сельское население, не говоря уже о снабжении городов, то есть хлеб из губернии теперь забирать вообще нельзя.

Свои слова он подкрепляет расчетами, сколько необходимо площади посевов для самоснабжения губернии зерном, сколько — для создания товарных излишков зерна: «В 1921 г. приходится по 0,61 десятины, т.е. при наличном размере засева полей губерния даже при среднем урожае едва сведет концы с концами, если при этом не иметь в виду потребности городского населения. В прошлом же году Челябинская губерния имела посев на одну душу сельского населения — 1,18 десятины и таким образом сверх потребных 0,627 десятины имела 0,553 десятины на душу излишков, т.е., иначе говоря, губерния раньше могла бы выбросить за свои пределы хлеба почти столько же, сколько необходимо было самой на продовольствие и обсеменение. Таким образом, при сокращении посевной площади на половину, хлебные внегубернские товарные излишки исчезли совсем» [там же].

В.С. Немчинов доказывает, что продразверстка убила и скотоводство: «Чрезвычайно важным представляется, что разверсткой 1920 г. взято больше половины естественного выхода мяса: из естественного выхода взято разверсткой 618 101 пуд, то есть 59 % ... Под давлением продовольственного кризиса, а также в виду того, что разверстка брала слишком большую долю естественного выхода мяса, а в Троицком уезде почти весь выход, — население затронуло основной капитал своих стад» [3, с. XIV]. Что с поголовья не забрали, население съело в отсутствие хлеба, а нового поголовья взять было неоткуда.

Итог продразверстки по Немчинову: «Кризис в сельском хозяйстве губернии достиг за 1920 и 1921 гг. высшей своей степени и принял определенный характер катастрофы» [там же, с. XVI].

6 декабря 1921 г. было принято постановление по заявлению Челябинского губисполкома о снижении продналога с губернии: значительно уменьшено количество десятин, подлежащих обложению, уменьшен размер продналога. Одним из трех представителей губисполкома, подписавших постановление, был В.С. Немчинов. Он же поставил свою подпись под мнением, что размер продналога для губернии должен быть еще уменьшен [2, с. 279–280].

Работу Немчинова в Челябинске высоко оценили в ЦСУ. Летом 1922 г. В.С. Немчинов готовит для ЦСУ большой доклад о землепользовании и землепользователях Челябинской губернии, а осенью того же года он был переведен в Екатеринбург и назначен уполномоченным ЦСУ на Урале [4, с. 14]. В Екатеринбурге губстатбюро было создано даже раньше челябинского — 9 сентября 1919 г., так что назначение уполномоченным именно Немчинова указывает на его известность как опытного руководителя. Как ученый с собственными теоретическими наработками В.С. Немчинов еще не выступал. Хотя он участвовал в

Третьей Всероссийской статистической конференции при ЦСУ в январе 1921 г., был отмечен в отчете об этой конференции лишь репликой в прениях в поддержку предложения о создании статистических музеев².

В Екатеринбурге В.С. Немчинов оказался в гуще дел и забот. На тот момент уральские власти никак не могли договориться с центральным правительством о создании Уральской области, но в 1922 г. уже существовали Уральское областное экономическое совещание (Уралэконо) и Уральская плановая комиссия (Уралплан), планировалась и проводилась экономическая политика в отношении сразу нескольких губерний. Подобная политика требовала согласования и унификации работ губернских статистических бюро, вынуждала создавать областной центр по сбору и обработке статистических данных. При этом на 1 апреля 1922 г., как признавалось в отчете областного экономического совещания, «совершенно отсутствует Областное статбюро»³. 26 апреля 1922 г. создается управление уполномоченного ЦСУ в Уральском областном экономическом совете. При минимальном финансировании от ЦСУ управление не имело возможности полноценно работать, так что вскоре основное финансирование стало поступать от Уралэконо, поэтому главной задачей становится не инспектирование, а выполнение запросов областных экономического совета и плановой комиссии. Постепенно увеличивались штаты управления, появился свой печатный орган — «Уральский экономический бюллетень». В августе 1922 г. произошла реорганизация управления, в сентябре были утверждены основные принципы его работы, с усилением участия в практических работах

² III Всероссийская статистическая конференция [Приложение] // Вестник статистики. Орган ЦСУ. Январь-апрель 1922 года. Кн. X. С. 32.

³ Отчет Уральского Областного экономического совещания. № 1: На 1 апреля 1922 года. Екатеринбург, 1922. С. 3.

для области. Управление, оставаясь инспекторским аппаратом ЦСУ, одновременно встраивалось в областные структуры, являясь отделом краевой статистики Уралсовета. Также работники управления включались в работу Уральской плановой комиссии. Сохранялось руководящее положение Уралстатуправления по отношению к губернским статистическим бюро⁴.

Немчинов как глава Уралстатуправления быстро находит общий язык с руководством Уралэконосо, участвует в подготовке изданий Уралэконосо, много работает по сельскохозяйственному и административному районированию Урала. Вопросами экономического районирования Немчинов начал заниматься еще в Челябинске, подготавливая материалы для региональных властей и участвуя в совещаниях по административно-хозяйственному устройству губернии. Определение и обоснование границ губернии и волостей внутри нее требовали учета многих факторов. На совещании в Челябинске 5 февраля 1920 г. были приняты следующие принципы основания объединения волостей, скорее всего предложенные именно Немчиновым, одним из трех участников совещания:

1. Учет характера производства (экономических особенностей): промышленности добывающей или обрабатывающей; чисто земледельческой, кустарной или чисто заводской.

2. Учет площади производства — посевной площади.

3. Учет естественных условий местности: рек, болот, озер, затрудняющих или облегчающих сношения.

4. Учет экономического тяготения отдельных мест к различным пунктам в деле товарообмена, помола.

5. Учет количественного и национального состава населения.

⁴ Отчет Уральского Областного экономического совещания Совету Труда и обороны за 1921-1922 гг. Екатеринбург, 1923. С. 207-209.

6. Учет благосостояния населения и других функционально значимых причин [2, с. 54–55].

В Екатеринбурге Немчинову предстояло участвовать в решении более грандиозной задачи — необходимо было уточнить и обосновать районирование не отдельной губернии, а всей Уральской области, включающей в себя несколько губерний со своими особенностями хозяйствования и экономических связей — от металлургических производств до промыслов аборигенов приполярных районов. Решение этой задачи осложнялось противоречиями между уральскими и московскими руководителями. Уральцы стремились под предлогом сложившихся экономических связей «отхватить» под свое управление побольше территорий, в Москве же далеко не однозначно относились к самой идее выделения огромной Уральской области с правом ведения самостоятельной региональной экономической политики. Хотя сложно было отрицать, что Урал следует рассматривать как отдельный экономический регион, вызвали споры варианты оформления этого региона в особую административно-хозяйственную единицу. Критики идеи Уральской области предполагали в ней опасный прецедент регионального сепаратизма, возможный оплот партийной оппозиции [5]. Сторонники же образования области доказывали, что единое управление Уралом позволит согласовать работу промышленности, облегчит снабжение заводов сырьем и топливом, а население — продовольствием и товарами, причем управление уральским хозяйством из Екатеринбурга, а не из Москвы даст возможность лучше учитывать региональные особенности, обеспечит более быстрое реагирование на колебания хозяйственной конъюнктуры.

Созданию Уральской области помогло изменение государственной политики в отношении экономического районирования. В апреле 1923 г. состоялся XII съезд РКП(б), на котором А.И. Рыков, на тот мо-

мент — один из лидеров партии, сделал доклад о районировании. В докладе признавалось, что невозможно управлять страной из Москвы на основе бюрократического централизма. Поэтому предлагалось объединять в области несколько губерний. Области намечалось создавать с учетом их предполагаемой хозяйственной специализации и самодостаточности, передоверяя им часть полномочий и функций центрального правительства⁵. Прежде чем проводить подобное районирование по всей стране, надо было проверить идею на практике, выделив экспериментальный регион. Раз уж уральские власти давно и упорно стремились создать Уральскую область, то именно Урал был выбран для проверки эффективности идеи районирования. Правительством было принято решение в качестве эксперимента создать Уральскую область (как пример промышленного региона) и Северо-Кавказский край (как пример сельскохозяйственного региона).

С принятием политического решения о создании Уральской области довольно быстро были решены вопросы административно-хозяйственного деления внутри области, уточнения административных границ области, структуры управления и т.д. В.С. Немчинов, помимо руководства статистическими исследованиями, активно участвовал в работах по проблемам разграничения районов по хозяйственным принципам. К примеру, он указан как один из авторов и редакторов изданного Уралэкономкомитетом третьего тома «Материалов по районированию Урала» (1923 г.). В ноябре 1923 г. Уральская область официально утверждается. При ее областном исполнительном комитете было образовано статистическое бюро, при этом подобные структуры создаются и при окружных исполнительных коми-

⁵ XII съезд РКП(б). 17-25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М. : Изд-во политической литературы, 1968. С. 468, 474–475, 477.

тетах⁶. Заведующим областным статистическим бюро (которое часто все равно называли управлением) был назначен В.С. Немчинов, который одновременно стал возглавлять статистический отдел облисполкома. Таким образом, Немчинов по-прежнему совмещал как инспекторские функции, так и активную работу в областной власти.

Впоследствии именно В.С. Немчинов как представитель Урала отстаивал в Москве эффективность выделения Уральской области, так как это решение все еще оспаривалось. Критики указывали, что успехи уральского хозяйства нельзя отрицать, но неясно, были ли эти успехи обусловлены именно районированием, либо же сильнее влиял общий подъем экономики СССР. Да и возможно ли переносить опыт Уральской области на другие регионы? К моменту ее создания давно работало Уралэконом, так что область фактически существовала вовсе не с момента ее официального утверждения. Поэтому создаваемые без аналогичной основы области могут оказаться не столь эффективными.

На заседании Президиума Госплана СССР, посвященном обсуждению предварительных итогов районирования, 23 июня 1926 г. Немчинов доказывал, что идея районирования дала области возможность быстрого развития, органического роста производительных сил: «районирование обеспечило увязку внутреннего кругооборота хозяйственной жизни с административными границами области. Промышленное тело Урала, единое независимо от всех границ, могло действительно стать единым только в том случае, когда административные границы области более или менее совпадали с границами промышленного кругооборота руды, леса, хлеба, овса и отчасти угля...», то, что в руках облисполкома одновременно находились

⁶ Положение об Уральской области // Материалы по районированию Урала. М., 1923. Т. I [отд. оттиск]. С. 13, 19.

эти основные источники непосредственной промышленной жизни области — это обеспечило достаточный хозяйственный эффект». По мнению Немчинова, практика доказала целесообразность территориального принципа в управлении хозяйством Урала: «Только горизонтальная, территориальная увязка в материальных и иных возможностях данной территории дает возможность правильного воплощения в жизнь тех начал, которые идут из центра» [6, с. 140, 144]. Правительство СССР в конечном итоге отказалось от проведения политики районирования, Уральская область была упразднена в 1934 г. Тем не менее, к идее районирования вернулись через двадцать лет, введя экономической реформой 1957 г. совнархозы. Участие в подготовке этой реформы принял и В.С. Немчинов, вновь поддержав идею экономического районирования.

Помимо работ по обсуждению и подготовке районирования В.С. Немчинову в 1923 г. приходилось искать решение еще одной фундаментальной проблемы: нахождение оптимального варианта сбора и обработки статистических данных, совмещение максимальной информативности и краткости резюмирования экономико-статистических сведений для руководства области и страны. Советская экономическая статистика все еще находилась в стадии становления и отработки методологии сбора, обработки и формы предоставления информации. Стремление собрать побольше сведений часто приводило к рассылке множества громоздких анкет, после чего получаемые ответы не могли быть быстро обработаны и систематизированы, результаты статобследований таким образом теряли актуальность и устаревали к моменту их предоставления в органы власти. В полемическом фельетоне «Кругом шестнадцать» (1930 г.) высмеивался поток анкет, направляемых статистиками в деревни: «Наши колхозники стонут от одного только анкетного ада. Из города беспрерывно запрашивают “как вы едите,

как вы спите, да как вы опорожняетесь, а сколько это выходит на навозочасы, а сколько на корово-декады”. Над этим уж стыдно смеяться, но в Пензе, например, колхозники не знали, что делать — продолжать ли им посев ржи и проса или отвечать на анкету Госплана, в которой было точно тринадцать страниц и сто пятьдесят два вопроса» [7, с. 59].

В.С. Немчинову как руководителю областного статбюро приходилось налаживать обработку значительных потоков информации, причем с каждым годом этот поток только увеличивался: в подчинении Немчинова помимо областного были еще 15 окружных статбюро. При этом руководству области требовались не тома цифр, но конкретные показатели (в идеальном варианте — единственный показатель), которые позволяли бы представлять динамику экономического развития важнейших отраслей хозяйства области. Для советских экономистов и статистиков руководством к поиску единого показателя состояния народного хозяйства стало пожелание В.И. Ленина, опубликованное в газете «Экономическая жизнь» 6 ноября 1923 г., но написанное в редакцию газеты еще 1 сентября 1921 г. и, очевидно, вызвавшее обсуждение задолго до официального обнародования. Ленин писал: «Прошу обсудить вопрос о выработке index-number (числа — показателя) для определения общего состояния нашего народного хозяйства. Этот “показатель” должен быть печатаем ежемесячно» [8, с. 114].

Попытки вычислить единый показатель делались иностранными учеными еще в XIX в. В РСФСР пожелание Ленина попытались воплотить в Конъюнктурном институте под руководством Н.Д. Кондратьева. Сотрудник института Михаил Васильевич Игнатьев выпустил несколько статей, посвященных анализу зарубежных наработок в вычислении единого показателя и обоснованию собственного вычисления подобного показателя. В 1922 г. он этот показатель называл «эко-

номическим барометром», ориентируясь на барометр Де-Фовиля [9, с. 102–106]. Название «барометр» было не вполне адекватным термином — никаких прогностических функций предложенный Игнатьевым и принятый Конъюнктурным институтом вариант расчета единого показателя еще не содержал. Поэтому в 1923 г. от названия «барометр» отказались, остановившись на термине «единый экономический показатель динамики народного хозяйства».

Немчинов, столкнувшись с необходимостью кратко представлять результаты экономико-статистических исследований в Уралэконосо, развил идею коллег и предложил использовать «Уральский экономический барометр». Этому предложению была посвящена его статья, фактически программная в роли руководителя облстатуправления [10]. Теоретическим основанием для создания «барометра» Василий Сергеевич Немчинов считал экономическую семиологию — науку о выражении краткими обобщенными цифровыми показателями состояния народного хозяйства. Он писал: «Мы придаем большое значение вопросам экономической семиологии, т.е. исчисления симптомов народно-хозяйственной жизни... Только в направлении разработки вопросов экономической семиологии статистики могут перестать быть только техниками-статистиками, поэтому всякая статистическая работа должна быть расценена с точки зрения тех показателей, которые могут быть в результате работы исчислены. В этом направлении мы и работаем» [там же, с. 3]. «Уральский экономический барометр» мыслился по образцу описательного барометра Де-Фовиля, вариант Конъюнктурного института еще не был опубликован, хотя Немчинов, скорее всего, знал или мог предполагать о его существовании, ознакомившись с работой Игнатьева, недавно вышедшей в «Вестнике статистики». По крайней мере, вслед за Игнатьевым Немчинов позднее в том же году отказался

от термина «барометр», также приняв название «единый экономический показатель динамики народного хозяйства».

Предложение Немчинова об «Уральском экономическом барометре» вызвало критику со стороны заведующего секцией экономической статистики Екатеринбургского губстатбюро Д.А. Антонова, не одобрявшего увлечение экономической семиологией. По его мнению, Немчинов сильно сузил задачи статистиков [11, с. 28]. Впрочем, в Уралэкосо предложение Немчинова, похоже, было встречено с пониманием.

В 1923 г. выходит первая книга Немчинова — «Народное хозяйство Урала (его состояние и развитие)» [12]. Как указывает в предисловии руководитель Уралэкосо Д.Е. Сулимов, эта книга была заказана Уралэкосо к первому областному съезду советов (состоялся 10–13 декабря 1923 г.), чтобы дать руководству области общую характеристику состояния и развития народного хозяйства края. Малое время, выделенное для написания книги, обусловило некоторую схематичность и спорность отдельных положений. Немчинов помимо изложения и анализа статистических данных использовал в книге единый экономический показатель динамики Уральского хозяйства (бывший «Уральский экономический барометр»). Так как идея подобного показателя была все еще непривычна даже специалистам в экономике и статистике, В.С. Немчинов считал необходимым кратко изложить ее суть. По его мнению, несмотря на многообразие экономической жизни, разные процессы, из которых она складывается, все же выражают одну и ту же действительность, и потому можно найти их равнодействующую, единый результат, нечто, что свойственно всем этим процессам и может быть вычислено математическим путем. Так что все изменения в состоянии отдельных отраслей народного хозяйства могут быть охарактеризованы единым показателем. Этот показатель своими про-

центными характеристиками показывает состояние хозяйственной жизни. Он должен выводиться ежемесячно и мог стать полезным руководству области как орудие анализа экономической действительности. Для вычисления единого показателя Уралстатуправление взяло под наблюдение двадцать показателей из пяти различных сфер хозяйства (промышленность — шесть показателей, транспорт — четыре, торговля — пять, состояние труда — четыре, финансы и кредит — три)⁷. Каждый показатель вычислялся в процентах к среднему своему уровню за хозяйственный год, потом для каждой сферы вычислялся единый групповой показатель, а из групповых показателей выводился сводный экономический показатель. Изменения показателей демонстрировались графически. По мнению Василия Сергеевича, единый экономический показатель с октября 1922 г. по сентябрь 1923 г. вырос с 66 % до 117 %, что доказывает успешное развитие экономического хозяйства области (при сохранении ряда проблем) [12, с. 95–103].

Предложенный В.С. Немчиновым единый экономический показатель был принят для дальнейшего использования на Урале, хотя в Москве Конъюнктурный институт стал публиковать с 1923 г. свой единый экономический показатель народного хозяйства. Методика расчета показателя корректировалась с учетом опыта работ. В «Обзоре хозяйства Урала за 1924–1925 гг.» (1926 г.), подготовленным под руководством и по плану Немчинова, помещен график динамики уральского хозяйства с единым экономическим показателем, который высчитан уже по шести сферам: торговля разделена на розничную и оптовую. На сентябрь 1925 г. показатель равнялся 211 пунктам [13, с. VIII–IX].

⁷ Всего выходит двадцать два показателя. То ли в книге допущена опечатка, то ли Немчинов в последний момент добавил еще два показателя, забыв исправить изначальное их число.

Помимо работ в области районирования и создания единого экономического показателя Немчинов после переезда в Екатеринбург продолжал исследования сельского хозяйства Урала. Уже в 1922 г. была анонсирована его статья «Сельское хозяйство в индустриальных районах на примере Екатеринбургского уезда», предполагаемая к печати в издании «Урал. Техничко-экономический сборник. Выпуск 7», но так и не опубликованная. Немчинов регулярно писал о сельском хозяйстве Уральской области в екатеринбургских статистических изданиях. Важнейшим вкладом в экономическую статистику того времени стала предложенная им методика выделения и классовой группировки крестьянских хозяйств доколхозной деревни в соответствии со степенью присутствия в хозяйстве элементов эксплуатации и зависимости. Именно эта методика принесла ему всесоюзную славу, обеспечила переход на работу в ЦСУ и стремительную карьеру в Москве.

В первые годы работы в Екатеринбурге В.С. Немчинов не изучал классовые противоречия в деревне, так как они были не актуальны. Сельское хозяйство Урала только начало восстанавливаться после голода 1921–1922 гг., так что увеличение доли зажиточных хозяйств радовало, а не огорчало советские органы. В 1923 г. в книге «Народное хозяйство Урала» Немчинов выделяет следующие группы в деревне: 1) бедняцкие хозяйства (без посева); 2) малозажиточные (с посевом до трех десятин на хозяйство); 3) среднезажиточные (с посевом от трех до 10 десятин); 4) зажиточные (с посевом свыше 10 десятин) [12, с. 10–11]. Более сложной группировки крестьян и не требовалось.

Через год оценка ситуации в деревне и восприятие зажиточных крестьян стали меняться. Партию и правительство встревожило нарастание капиталистических тенденций и укрепление зажиточных крестьян, которых уже стали определять в «кулаки». В сборнике

«Хозяйство Урала в 1924 году» один из составителей (видимо, А.В. Воробьев, сотрудник облстатуправления) отмечал начало расслоения деревни на кулаков и бедняков, пусть и не столь ярко выраженного, как в других регионах. В качестве критерия группировки крестьянских хозяйств по-прежнему брался размер посевных площадей, причем была значительно снижена планка выделения двух наиболее зажиточных групп: теперь градация крестьянских хозяйств выглядела так: 1) беспосевные; 2) с посевом до трех десятин; 3) с посевом от трех до шести десятин; 4) с посевом свыше 6 десятин [14, с. 70–71]. Таким образом, в потенциальные кулаки попадало больше крестьян.

В 1925 г. проблема классового расслоения в деревне стала одной из важнейших для советского правительства и активно использовалась в борьбе за власть разными группировками в партии. В зависимости от методики подсчетов и требований внутрипартийной борьбы менялось количество «кулаков» и их значение для народного хозяйства в целом — в диапазоне от признания многочисленности и могущества кулаков на деревне до отрицания какой-либо существенно-значимой их численности.

Сам факт расслоения крестьян на бедняков, середняков и кулаков сомнений не вызывал, но кого и по каким объективным признакам следует отнести к этим категориям — ясности не было. Как указывал С.Г. Струмилин, классовый подход требовал группировки по признаку эксплуатации: бедняки эксплуатируемые, кулаки — эксплуататоры, середняки — и не эксплуатируемые, и не эксплуататоры. Но на практике такой критерий не давал точных границ разных социальных слоев в деревне, так как капиталистический найм работников ради эксплуатации в деревне уживался с другими видами найма [15, с. 34]. Так как земля была национализирована и не могла быть предметом купли-продажи, партией было признано, что теперь основными элемен-

тами расслоения становятся торговля, скот и инвентарь, которые превращаются в орудия накопления и средство эксплуатации бедняков⁸. Это положение предполагало возможность выделения слоев в деревне по формальному признаку обладания скотом и инвентарем, однако сильные межрегиональные различия в обеспечении крестьян имуществом затрудняли разграничение кулаков и бедняков. В зависимости от губернии обладатели одинакового количества скота и инвентаря могли быть отнесены как к кулакам, так и к беднякам.

Отсутствие четких формальных критериев выделения слоев в деревне затрудняло расчет налогообложения и сельхозкредитование, ставило под угрозу политику правительства в области хлебозаготовок. ЦСУ должно было обеспечить решение этой задачи, что и попыталась сделать А.И. Хрящева, заведующая отделом сельскохозяйственных переписей ЦСУ, автор книги «Группы и классы в крестьянстве». В 1925 г. ЦСУ произвело опыт социального расчленения деревни по посевным группам в своем хлебофуражном балансе, но этот опыт был признан неудачным [15, с. 35]. На XIV съезде партии в декабре 1925 г. Сталин жестко раскритиковал ЦСУ, указав на ошибки и изменения в цифрах при расчете хлебофуражного баланса: «Мы верим в то, что ЦСУ есть цитадель науки. Мы считаем, что без цифр ЦСУ ни один управляющий орган рассчитывать и планировать не может. Мы считаем, что ЦСУ должно давать объективные данные, свободные от какого бы то ни было предвзятого мнения, ибо попытка подогнать цифры под то или другое предвзятое мнение есть преступление уголовного характера. Но как можно верить после этого цифрам ЦСУ, если оно само перестает верить своим цифрам?»⁹. Ожесточенные споры

⁸ XIII съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1963. С. 633–634.

⁹ XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. : Гос. изд-во, 1926. С. 44.

на съезде вызвали цифры процентного соотношения середняков и кулаков в деревне, критерии разделения середняков и кулаков. Сходились на том, что цифрам ЦСУ по классовому расслоению в деревне верить нельзя, но общепризнанного определения, кого считать кулаком, а кого середняком так и не появилось. А.И. Хрящеву сняли с заведования сельхозпереписями, ее муж П.И. Попов был снят с руководства ЦСУ.

И в этот момент наивысшей востребованности в правительстве методики распознавания кулака и середняка появляется статья В.С. Немчинова «О статистическом изучении классового расслоения деревни» [16]. В.С. Немчинов вовсе не был единственным, кто пытался определить научные критерии классового разделения среди крестьян. Однако только он смог удачно соединить в своем предложении подходящие для правительства элементы. Статья сразу вызвала огромный интерес в Москве, а предложенная в ней Немчиновым схема элементов производственных отношений, дававшая возможность группировать крестьянские хозяйства по классовым типам, после обсуждений и доработок надолго стала в СССР официальным подходом к классификации крестьянских хозяйств доколхозной деревни [17, с. 40–41].

Методология выделения классовой структуры деревни обязательно должна была быть марксистской. Уже использовалось поддержанное влиятельным марксистом-аграрником Л.Н. Крицманом разделение крестьян на бедняков, середняков и кулаков. Но подобное разделение было слишком абстрактным и не учитывало многих нюансов крестьянского хозяйствования. Требовалось обосновать более точные и дробные группировки типов хозяйств.

В своей классической работе «Развитие капитализма в России» Ленин писал: «Экономическая статистика необходимо должна положить в основание группировки размеры и типы хозяйства. Признаки для

различия этих типов должны быть взяты сообразно с местными условиями и формами земледелия; если при экстенсивном зерновом хозяйстве можно ограничиться группировкой по посеву (или по рабочему скоту), то при других условиях необходимо принять в расчет посев промышленных растений, техническую обработку сельскохозяйственных продуктов, посев корнеплодов или кормовых трав, молочное хозяйство, огородничество и т.д. Когда крестьянство соединяет в широких размерах и земледельческие и промысловые занятия, — необходима комбинация двух указанных систем группировки, — т.е. группировки по размерам и типам земледелия и группировки по размерам и типам “промыслов”» [18, с. 96]. И далее: ««Чтобы осмысленно взглянуть на разложение крестьянства, надо взять все в целом: и аренду, и покупку земель, и машины, и заработки, и рост торгового земледелия, и наемный труд» [там же, с. 140]. Для В.С. Немчинова это утверждение стало прямой рекомендацией, тем более что Ленин в своей книге анализирует, в том числе, и статистику Пермской губернии, теперь ставшую частью Уральской области, — прекрасно знакомый Немчинову материал.

Группировка крестьянских хозяйств по числу рабочих лошадей и размеру посевов только что доказала свою неэффективность и была раскритикована. Так что наиболее логичным было использование группировок по производственным отношениям (наем рабочей силы, аренда земли, инвентаря, ссуды денег и семян). Это позволяло выявлять привычные марксистам процессы: отделение средств производства от рабочей силы и присвоение прибавочной стоимости кулаками.

По мнению Немчинова, «счетная категория для выявления классового расслоения деревни должна быть сконструирована, как единый совокупный признак для каждого отдельного хозяйства на основе всех признаков, характеризующих классовые свойства дан-

ного типа» [16, с. 27]. Классовые свойства определяются, в первую очередь, использованием средств производства. Признак самостоятельности — использование собственных средств производства в своем хозяйстве. Это хозяйство середняка. Хозяйство бедняка характеризуется признаками зависимости — это использование своей рабочей силы и земли в чужом хозяйстве, равно как и чужого основного и оборотного капитала в своем хозяйстве. Признаки предпринимательства в хозяйстве кулака — это применение чужой рабочей силы и земли в своем хозяйстве, своего основного и оборотного капитала в чужом.

Немчинов предлагает группировать крестьянские хозяйства по сводному признаку предпринимательства (эксплуатации) и зависимости. Хозяйства разделяются на три категории:

1) зависимые, хозяйства с элементами пролетаризации, — это крестьяне бедные, они продают свою рабочую силу, сдают в аренду землю, так как не могут сами обрабатывать свой надел, несут затраты на аренду инвентаря и скота, не имея его в собственности;

2) самостоятельно производящие — середняки, чье хозяйство существует без элементов эксплуатации и зависимости;

3) кулаки, хозяйства с элементами эксплуатации, — у них есть затраты на наем рабочей силы, на аренду земли, зато есть и доход от сдачи в аренду инвентаря, от ссуд семян и денег.

Зависимые и кулаки могут быть еще подразделены внутри своих групп на хозяйства, где элементы зависимости или эксплуатации сильно, средне или слабо выражены.

Чтобы понять, в какую именно категорию следует отнести конкретное хозяйство, необходимо рассчитать процент зависимых или эксплуататорских элементов в нем к стоимости пользования своими средствами: «Взяв отношение условий производства

предпринимательского и зависимого типа к условиям производства типа самостоятельного производителя, будем иметь процент предпринимательских и зависимых элементов в данном крестьянском хозяйстве» [16, с. 31]. И в зависимости от процентного выражения степени зависимости или эксплуатации хозяйство находит свое место в схеме. Методика была продемонстрирована в ходе динамической переписи 1925 г. в Троицком округе Уральской области.

Предложенная Немчиновым методика вовсе не была идеальной, требовала доработки и обсуждения, но представлялась весьма перспективной, идеологически верной и вполне применимой на территории всего СССР. 1–10 февраля 1926 г. в Москве В.С. Немчинов участвует как представитель Урала во Всесоюзном статистическом съезде в Москве, посвященном готовящейся всесоюзной переписи. В июне того же года выступает в Госплане, доказывая эффективность районирования на примере Уральской области. Но в работе облстатуправления он участвует все меньше и меньше, так как временно отозван в Москву. Вскоре Немчинов окончательно был переведен на работу в ЦСУ, где стал членом коллегии и возглавил Отдел статистики сельского хозяйства. Уже после его отъезда в Свердловске был опубликован им написанный раздел в отчете по хозяйству Урала «Классовое разделение деревни» [13, с. 364–369], описывающий практическое применение метода классового разделения для анализа крестьянских хозяйств Урала. Материалы Немчинова по выделению классовых группировок в уральской деревне учитывал в своей работе в 1926 г. Уралсельхозбанк¹⁰.

Дальнейшая жизнь В.С. Немчинова была мало связана с Уралом, никого из ведущих сотрудников облстатуправления он с собой в Москву не взял. Впро-

¹⁰ Уралсельхозбанк. Годовой отчет за 1924–1925 гг. Свердловск, 1926. С. 16.

чем, позднее репрессированному М.А. Сигову, своему бывшему заместителю, Немчинов не побоялся помогать. В Свердловске же даже в 1927 г., когда идеи Немчинова о классовом разделении бурно обсуждались в центральных изданиях, относились к его методу весьма скептически. К примеру, бывший сотрудник Василия Сергеевича по облстатуправлению А.В. Воробьев в книге «Сельского хозяйство Урала» призвал подходить к выделению классовых групп в деревне с осторожностью: «Данные о найме рабочей силы и об аренде, характеризуя часто факт экономического расслоения крестьянских хозяйств, в свою очередь не дают возможности выявить картину кабальных отношений в деревне, определить группу кулацкого элемента деревни в полном смысле этого слова, так как эти отношения по большей части являются скрытыми, не поддающимися массовому статистическому учету и далеко не всегда совпадают с статистическими признаками роста экономического благосостояния крестьянского хозяйства» [19, с. 82–83]. Фактически это осторожная критика подхода Немчинова, на которого, однако, не дано никаких прямых указаний. На то, что статистическая наука и практика все еще не дают надежных групповых признаков для выделения капиталистических групп в крестьянской массе на Урале указывал и Ф. Казанский, также избегая упоминать Немчинова [20, с. 3–4].

Борьба с внутрипартийной оппозицией и репрессии 1930-х гг. серьезно затронули свердловских экономистов и статистиков, после расформирования Уральской области в 1934 г. исчезло общекраевое облстатуправление, в Свердловске перестали выходить основанные при В.С. Немчинове экономические и статистические издания. Эти события стали причиной долгого забвения работ свердловских специалистов, так что и труды Немчинова уральского периода оказались полузабытыми.

Список использованной литературы

1. Балакин В.С. Биография академика В.С. Немчинова в ракурсе культурно-интеллектуальной истории / В.С. Балакин, Л.П. Балакина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2016. — Т. 16, № 4. — С. 23–30.
2. Челябинская губерния, 1919–1923: абрис истории : сб. док. / науч. ред. М.А. Базанов. — Челябинск, 2019. — 647 с.
3. Немчинов В.С. Кризис сельского хозяйства в Челябинской губернии / В.С. Немчинов // Материалы Челябинского губернского статистического бюро. — Челябинск, 1921. — Вып. 1. — С. I–XVI.
4. Балакина Л.П. В.С. Немчинов — организатор Челябинского губернского статистического бюро (1919–1922 гг.) / Л.П. Балакина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2010. — № 28 (204). — С. 12–14.
5. Сухих В.В. Особенности организации экономических исследований в 1920-е годы (на примере Екатеринбурга / Свердловска) / В.В. Сухих, С.Г. Важенин // Историко-экономические исследования. — 2019. — Т. 20, № 3. — С. 480–505.
6. Алампиев П.М. Экономическое районирование СССР : в 2 кн. / П.М. Алампиев. — Москва : Госланиздат, 1959. — Кн. 1. — 263 с.
7. Смирнов-Сокольский Н.П. Сорок пять лет на эстраде / Н.П. Смирнов-Сокольский. — Москва : Искусство, 1976. — 383 с.
8. Ленин В.И. Письмо в редакцию газеты «Экономическая жизнь» / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. — Москва, 1970. — Т. 44. — С. 112–114.
9. Игнатьев М.В. К вопросу об едином экономическом показателе (экономическая семиология) / М.В. Игнатьев // Вестник статистики. — 1922. — Кн. X. — С. 99–140.
10. Немчинов В.С. Уральский экономический барометр (к теоретической постановке) / В.С. Немчинов // Уральский экономический бюллетень. — 1923. — № 2 (6). — С. 1–3.
11. Антонов Д.А. Местные статистические издания / Д.А. Антонов // Губерния в цифрах. Ежемесячный бюллетень Екатеринбургского губстатбюро. — 1923. — № 5. — С. 28–31.
12. Немчинов В.С. Народное хозяйство Урала (его состояние и развитие) / В.С. Немчинов. — Екатеринбург : Уралкнига, 1923. — 104 с.
13. Обзор хозяйства Урала за 1924–1925 год / под ред. В.С. Немчинова, М.А. Сигова, А.В. Воробьева. — Свердловск, 1926. — 396 с.

14. Хозяйство Урала в 1924 году : сб. материалов / под ред. С. Бессонова. — Свердловск : Уралкнига, 1925. — 118 с.

15. Струмилин С.Г. Расслоение советской деревни / С.Г. Струмилин // Плановое хозяйство. — 1928. — № 8. — С. 34–62.

16. Немчинов В.С. О статистическом изучении классового расслоения деревни / В.С. Немчинов // Бюллетень Уральского областного статистического управления. — 1926. — № 1. — С. 24–38.

17. Ефременков Н.В. Некоторые проблемы индустриализации и коллективизации Урала в советской исторической литературе / Н.В. Ефременков // История и историки. Историографический ежегодник. 1972 / под ред. М.В. Нечкина. — Москва, 1973. — С. 40–56.

18. Ленин В.И. Развитие капитализма в России / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. — Москва, 1971. — Т. 3. — С. 1–609.

19. Воробьев А.В. Сельское хозяйство Урала / А.В. Воробьев. — Свердловск : Уралкнига, 1926. — 120 с.

20. Казанский Ф. О структуре и динамике крестьянских хозяйств на Урале / Ф. Казанский // Уральский коммунист. — 1927. — № 26–27. — С. 62–75.

References

1. Balakin V.S., Balakina L.P. Of Academic V.S. Nemchinov from the Perspective of Cultural and Intellectual History. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* = *Bulletin of South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*, 2016, vol. 16, no. 4, pp. 23–30. (In Russian).

2. Bazanov M.A. (ed.). *Chelyabinskaya guberniya, 1919–1923: abris istorii* [Chelyabinskaya province 1919–1923: Contour of history]. Chelyabinsk, 2019. 647 p.

3. Nemchinov V.S. Agricultural crisis in Chelyabinsk province. *Materialy Chelyabinskogo gubernskogo statisticheskogo byuro* [Materials of the Chelyabinsk Provincial Statistical Office]. Chelyabinsk, 1921, iss. 1, pp. I–XVI. (In Russian).

4. Balakina E.P. Nemchinov is an Organizer of Chelyabinsk Regional Statistical Office in 1919–1922. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* = *Bulletin of South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*, 2010, no. 28 (204), pp. 12–14. (In Russian).

5. Sukhikh V.V., Vazhenin S.G. Features of the Organization of Economic Research in the 1920s (On the Example of Yekaterinburg / Sverdlovsk). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History and History of Economics*, 2019, vol. 20, no. 3, pp. 480–505. (In Russian).
6. Alampiev P.M. *Ekonomicheskoe raionirovanie SSSR* [Economic Areas in the USSR]. Moscow, Goslanizdat Publ., 1959. Bk. 1. 263 p.
7. Smirnov-Sokolskii N.P. *Sorok pyat' let na estrade* [Forty-Five Years on Stage]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976. 383 p.
8. Lenin V.I. Letter to newspaper editor «Economic life». *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Moscow, 1970, vol. 44, pp. 112–114. (In Russian).
9. Ignatev M.V. On the question of a single economic indicator (economic semiology). *Vestnik statistiki = Bulletin of Statistics*, 1922, bk. X, pp. 99–140. (In Russian).
10. Nemchinov V.S. Ural Economic Barometer (theoretical aspect). *Ural'skii ekonomicheskii byulleten' = Ural Economic Bulletin*, 1923, no. 2 (6), pp. 1–3. (In Russian).
11. Antonov D.A. Local statistical publications. *Guberniya v tsifrakh. Ezhe mesyachnyi byulleten' Ekaterinburgskogo gubstatbyuro = Province in figures. Monthly bulletin of Yekaterinburg Province-statistical bureau*, 1923, no. 5, pp. 28–31. (In Russian).
12. Nemchinov V.S. *Narodnoe khozyaistvo Urala (ego sostoyanie i razvitiye)* [Ural Economy (Its Current State and Development)]. Ekaterinburg, Uralkniga Publ., 1923. 104 p.
13. Nemchinov V.S., Sigov M.A., Vorobev A.V. (eds). *Obzor khozyaistva Urala za 1924–1925 god* [Review of the Urals economy in 1924–1925]. Sverdlovsk, 1926. 396 p.
14. Bessonov S. (ed.). *Khozyaistvo Urala v 1924 godu* [Urals economy in 1924]. Sverdlovsk, Uralkniga Publ., 1925. 118 p.
15. Strumilin S.G. Stratification of a Soviet village. *Planovoe khozyaistvo = Planned Economy*, 1928, no. 8, pp. 34–62. (In Russian).
16. Nemchinov V.S. On the Statistical Study of Rural Class Stratification. *Byulleten' Ural'skogo oblastnogo statisticheskogo upravleniya = Bulletin of Urals Regional Statistical Admin*, 1926, no. 1, pp. 24–38. (In Russian).
17. Efremkov N.V. Some Problems of Industrialization and Collectivization of the Urals in Soviet Historical Literature. In Nechkin M.V. (ed.). *Istoriya i istoriki. Istoriograficheskii ezhegodnik. 1972* [History and Historians: A Historiographical Introduction. 1972]. Moscow, 1973, pp. 40–56. (In Russian).
18. Lenin V.I. The Development of Capitalism in Russia. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Moscow, 1971, vol. 3, pp. 1–609. (In Russian).

19. Vorobev A.V. *Sel'skoe khozyaistvo Urala* [Urals agriculture]. Sverdlovsk, Uralkniga Publ., 1926. 120 p.

20. Kazanskii F. On the structure and dynamics of peasant farms in the Urals. *Ural'skii kommunist* = *Ural Communist*, 1927, no. 26–27, pp. 62–75. (In Russian).

Информация об авторе

Сухих Василий Валентинович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора территориальной конкуренции, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: vsuhih@mail.ru. AuthorID: 542739; SPIN-код: 7040-8784; ORCID ID 0000-0002-0425-7028.

Author

Vasily V. Sukhikh — Ph.D. in in Economic Sciences, Senior Researcher of the Territorial Competition Sector, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (USUE), Yekaterinburg, the Russian Federation. E-mail: vsuhih@mail.ru. AuthorID: 542739; SPIN-код: 7040-8784; ORCID ID 0000-0002-0425-7028.

Для цитирования

Сухих В.В. Вклад В.С. Немчинова в экономико-статистические исследования и региональную экономическую политику на Урале: 1919–1926 гг. / В.В. Сухих. — DOI: 10.17150/2308-2488.2020.21(3).459-487 // Историко-экономические исследования. — 2020. — Т. 21, № 3. — С. 459–487.

For Citation

Sukhikh V.V. Contribution of V.S. Nemchinov to Economic and Statistical Research and Regional Economic Policy in Urals: 1919–1926. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History & History of Economics*, 2020, vol. 21, no. 3, pp. 459–487. DOI: 10.17150/2308-2488.2020.21(3).459-487. (In Russian).